

ПРИНЯТИЕ СТАТУТА 1529 ГОДА КАК УСЛОВИЕ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ФЕОДАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО

Д. С. Маркевич

*аспирант кафедры теории и истории государства и права
Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь*

В статье рассматривается проблемное в юридической науке понятие эффективности законодательства на основе анализа положений Статута 1529 г. Унифицированный характер этого закона, письменная форма закрепления, конституционная направленность, логика и системное изложение положений стали факторами, которые обусловили повышение эффективности феодального законодательства ВКЛ.

У артыкуле разглядаецца праблемнае ў юрыдычнай навуцы паняцце эфектыўнасці заканадаўства на аснове аналізу палажэнняў Статута 1529 г. Уніфікаваны характар гэтага закону, пісьмовая форма замацавання, канстытуцыйная накіраванасць, логіка і сістэмны выклад яго палажэнняў сталі фактарамі, якія абумовілі павышэнне эфектыўнасці феадальнага заканадаўства ВКЛ.

The article examines the problematic concept of legal effectiveness in legal science based on an analysis of the provisions of the 1529 Statute. The unified nature of this law, the written form of consolidation, the constitutional orientation, the logic and systematic presentation of the provisions became factors that led to an increase in the effectiveness of Grand Duchy of Lithuania feudal legislation.

Исследование категории эффективности, основывающееся на теоретико-методологической установке правового инструментализма, для ученых-правоведов имеет особое значение в силу того, что характеризует способность права выступать в качестве средства достижения определенных целей. В то же время в силу ряда причин оценка эффективности действующего правового регулирования может быть затруднена, а оценить эффективность в абсолютном значении, по мнению некоторых авторов, возможно только при условии, если речь идет о прекративших свое действие нормах [5]. В этом контексте научный интерес представляет исследование эффективности нормативных актов различных исторических периодов. В частности, принятие в 1529 г. первого Статута ознаменовало собой начало нового этапа в развитии законодательства ВКЛ, получившего наименование статутный, который сменил привилейный период. Однако не только этот факт делает Статут 1529 года одним из уникальнейших правовых памятников периода феодализма. В первую очередь его

конституционная направленность, синтез правовых традиций разных регионов ВКЛ, системность изложения, которая основывалась на зарождающейся в то время отраслевой структуре, привели к активизации экономической и политической жизни оформившегося сословия феодалов и обеспечили дальнейшее развитие нормотворческого процесса в ВКЛ, тем самым обусловили его эффективность.

Вместе с тем, необходимо отметить, что оценка эффективности того или иного нормативного акта, законодательства в целом или правовой системы, как правило, затруднены ввиду отсутствия единой системы критериев, а также методики предполагаемой оценки, что обусловлено сразу несколькими факторами:

- во-первых, отсутствие единства мнений относительно содержания категории эффективность, что отражается на возможности подбора адекватных критериев ее оценки. Как правило, категория эффективности рассматривается в экономическом смысле, отражая соотношение результата к затратам на его достижение. В то же время в рамках экономического анализа права было сформулировано сразу несколько критериев экономической эффективности, которые выдвигались в качестве возможных целей правовой реформы. Во-первых, речь идет о критерии эффективности по Парето, согласно которому «приращение общего экономического благосостояния (улучшение по Парето) будет наблюдаться всякий раз, когда кто-то из граждан или их группа в результате тех или иных изменений (в том числе в результате совершения сделки, установления тех или иных правовых институтов) увеличивает свое личное экономическое благосостояние при условии, что никто другой не несет никаких потерь»; во-вторых, о критерии Калдора-Хикса, который показывает, что решением, приводящим к росту благосостояния, будет любое решение, приносящее тем, кто от него выигрывает большую материальную выгоду, чем размер общих потерь для тех, кто от этого решения проигрывает [4, с. 122 – 127]. Однако для целей правового регулирования проведения оценки экономической эффективности недостаточно, что обуславливает поиск иных критериев и методов оценки эффективности правовых норм, нормативных правовых актов, а также правовой системы в целом (например, справедливость, свобода, порядок, реализация прав человека и др.);

- во-вторых, многообразие видов эффективности, которые подлежат оценке. Так, выделяются виды эффективности в зависимости от распространения эффекта в пространстве, во времени и по кругу лиц, по типу правового регулирования и т.д. Выделяется подход, согласно

которому эффективность может быть «мотивационной» и «финальной». Причем в первом случае критерием выступает степень соблюдения субъектами соответствующих правовых предписаний, а во втором – в какой мере удалось достигнуть намеченных целей [3];

- в-третьих, в силу продолжительного доминирования позитивизма в юридическом дискурсе наиболее конкретизированными и разработанными остаются методики формально-юридического анализа, а используемые при этом инструменты позволяют установить соответствие акта только формальным требованиям, что сказывается на полноте оценки. По этой же причине возникает проблема отождествления эффективности и принудительности права [8, с. 181].

Для преодоления названных препятствий стоит согласиться с позицией Ю. А. Тихомирова и обратиться к теории консенсуса как способа определения целей закона и критериев его эффективности в условиях «ценностной» нагруженности вариантов толкования правовых норм [8, с. 203].

Так, при оценке эффективности нормативного правового акта проблема целеполагания, которая стала предметом исследований И. С. Самощенко, В. И. Никитинского, является определяющей, по той причине, что в ходе формулирования цели нормативного правового акта или отдельной нормы предопределяется выбор набора показателей его эффективности [8, с. 155]. В свою очередь, выявление цели нормативного правового акта может осуществляться с помощью изучения исторического контекста, сопровождавшего принятие данного акта, системного толкования положений содержащихся в обосновании к акту, в тексте преамбулы, статьях нормативного акта и т. д.

Анализ текста Преамбулы Статута 1529 г., а также исследование конкретных исторических условий, предшествовавших его принятию, также позволяет определить его цель. Так, впервые вопрос о систематизации права ВКЛ был озвучен на Виленском сейме 1514 г., в условиях, когда у магнатов отсутствовала заинтересованность в рассмотрении данного вопроса, что приостановило процесс принятия решения на восемь лет. Уже на Гродненском сейме 1522 г. шляхта повторяет свое требование о систематизации законодательства и рассмотрении проекта Статута, часть которого была введена в действие специальным указом князя Сигизмунда. Таким образом, в результате ряда доработок, а также рассмотрения проекта акта на сейме в Бресте, уже к 1528 – 1529 гг. Статут приобретает юридическую силу [1, с. 48-49].

Активному участию привилегированного сословия феодалов в процессе разработки и принятия Статута способствовала завершившаяся

к концу XV в. консолидация крупных магнатов, а также средних и мелких феодалов в единое сословие. Так, с 1507 г. рядовая шляхта начинает участвовать в сеймах, на которых обсуждаются важнейшие для государства вопросы, например, сбор серебщины. В результате такого «сеймования» происходит политическое воспитание средних и мелких феодалов, а также вызревает солидарность и сила внутри сословия [6, с. 49].

Определению цели принятия Статута 1529 г. также способствует анализ содержания его структурных элементов, в первую очередь, Преамбулы, в которую помещен следующий текст: «Мы, Жикгимонт, з ласки божи... маючи себе достаточное розмышлене умыслом добрым и з ласки наше господарское хотячи обдаровати правы хрестьянскими, всим прелатом, княжато, паном хоруговным, велможам, рыцерем повышным, шляхте и всему посполству и их подданым а тубылцом земель Великого князства нашего Литовского» [7]. При этом, несмотря на стремление законодателя установить юридическое равенство «всего посполства», фактически полнота прав, а также система гарантий их реализации оставалась за феодалами, что позволило подтвердить возросшую роль этого сословия в общегосударственных делах.

Вместе с тем, следует обратить внимание на некоторое расхождение между положениями, изложенными в тексте Преамбулы, и историческим контекстом, который характеризовал исследуемый период. Так, действовавшие привилеи имели узко специальный характер и не могли всесторонне зафиксировать то высокое положение, которое занимали крупные феодалы. Обостряло проблему правовой регламентации статуса феодалов также и то, что существовала необходимость постоянного подтверждения привилеев новым князем [6, с. 49]. В то же время, несмотря на уже фактически осуществившуюся консолидацию крупных и мелких феодалов в привилегированное сословие землевладельцев, в тексте Преамбулы формулируется одно из неразрешимых противоречий: с одной стороны, предусматривается наделение равными правами всего класса феодалов («всим прелатом, княжато, паном хоруговным, велможам, рыцерем повышным, шляхте и всему посполству и их подданым а тубылцом земель Великого князства нашего Литовского»), с другой стороны, присутствует указание на подтверждение прежних привилеев, которые, в свою очередь, устанавливали различия внутри рассматриваемого сословия [6, с. 324; 7].

Постановка цели, которая заключалась в обеспечении оформления правового статуса привилегированного сословия, обусловила выбор

средств ее достижения, которые и способствовали эффективности рассматриваемого акта. В первую очередь, это:

- унификация законодательства всех земель обширного государства, в котором строго определялся статус общего монарха, принципы и механизм функционирования иных властных структур и т. д.;

- письменный характер источника. Само название «Письменные законы...» уже свидетельствует о таких свойствах рассматриваемого акта как письменный характер, который отличает данный источник от обычного права. Так, рассматриваемая форма акта позволила обеспечить формальную определенность правовых предписаний, переработку крупного нормативного правового массива, сформировавшегося в ВКЛ, а также устранить коллизии и пробелы писанного права, отразить достижения правовой теории;

- отличающиеся от римской основания систематизации. Так, в тринадцати разделах, состоявших из 244 статей, содержались нормы основных отраслей права: конституционное, военное, гражданское, брачно-семейное, опекуное, судоустройство и процесс, уголовное и процессуальное, адресованное земледельческому классу, земельное, лесное, охотничье, залоговое и отчасти гражданское, а также уголовное и процессуальное, относящееся к непривилегированным сословиям. Особенностью также стало и то, что правовой материал размещался в соответствии с заранее определенной последовательностью: от более важных правовых положений к менее важным [2].

Таким образом, принятие Статута 1529 г. стало закономерным результатом развития социально-экономических, политических процессов в ВКЛ. Объективно сформировалась потребность в совершенствовании действующего законодательства, что было обусловлено целым рядом факторов, среди которых: изменения в хозяйственной жизни, консолидация сословия феодалов, централизация государства, формирование крупного массива писанного права, в котором все больше возникали коллизии и пробелы, конвергенция правовых систем, развитие правовой теории, а также формирование новых принципов права. В таких условиях принятие Статута 1529 г. требовалось для надлежащего оформления правового статуса привилегированного сословия, роль которого в общегосударственных делах значительно возросла. Это, в свою очередь, повлияло на выбор средств достижения поставленной цели, которые позволили обеспечить унифицированный характер Статута, письменную форму закрепления, конституционную направленность, логику и системное изложение его

положений, предопределивших впоследствии его эффективность в условиях изменения социально-экономической обстановки.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Дидыч Т.О., Чаплук, О.И. Статут 1529 г. как результат правообразования в Великом княжестве Литовском (историко-правовой аспект) / Т. О. Дидыч, О. И. Чаплук // Электронная библиотека БГУ [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/29537/1/22_%D0%A7%D0%B0%D0%BF%D0%BB%D1%8E%D0%BA_%D0%94%D1%8B%D0%B4%D0%B8%D1%87.pdf. Дата доступа: 07.09.2019.
2. Довнар Т.И. Основания и результаты систематизации законодательства в Великом Княжестве Литовском в XVI в. // Актуальные проблемы гражданского права. Сборник науч. трудов. Вып.второй. Минск: «МИТСО», 2013. С. 65–99.
3. Жинкин С.А. Некоторые проблемы классификации видов эффективности норм права // Научная библиотека «КиберЛенинка», 2019 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-problemy-klassifikatsii-vidov-effektivnosti-norm-prava>. Дата доступа: 07.09.2019.
4. Карапетов А.Г. Экономический анализ права. М.: Статут, 2016. 528 с.
5. Мушинский М.А. Эффективность правотворческой деятельности и эффективность законодательства: соотношение и критерии // Научная библиотека «КиберЛенинка», 2019 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/effektivnost-pravotvorcheskoy-deyatelnosti-i-effektivnost-zakonodatelstva-sootnoshenie-i-kriterii>. Дата доступа: 07.09.2019.
6. Первый Литовский статут (1529 г.) / С. Лазутка, И. Валиконите, Э. Гудавичюс. Вильнюс: Марги раштай, 2004. 521 с.
7. Статут 1529 года [Электронный ресурс] // Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2003-2019. Режим доступа: <http://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pomniki-gistoryi-prava-belarusi/kanstytutsyynae-prava-belarusi/statuty-vyalikaga-knyastva-lito-skaga/statut-1529-goda/>. Дата доступа: 07.09.2019.
8. Эффективность законодательства в экономической сфере. Научно-практическое исследование / Отв. ред. Ю.А. Тихомиров. М.: Wolters Kluwer, 2010. 370 с.